

18+

Мурат Тютлеев

Сквозь сумрачные дни

Стихотворения
1994 года

Мурат Тюлеев
Сквозь сумрачные дни.
Стихотворения 1994 года

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19053019
ISBN 9785447489250

Аннотация

В сборник «Сквозь сумрачные дни» вошли ранние стихотворения автора, написанные в 1994 году. Произведения той поры отличаются поиски формы, богатая аллитерация и юношеский максимализм. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

«Был день. Того, что он прошёл...»	5
Зависть	6
Не будет лета	8
О соответствии	9
Я видел сам	10
И будто бы мало	12
Молитва	13
Друг	15
Мандарин, знаменитый хулиган	16
Вдруг	18
«Я вышел из игры, когда погасли свечи...»	20
Восторг	22
Мотыльки	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Сквозь сумрачные дни
Стихотворения 1994 года
Мурат Тюлеев

© Мурат Тюлеев, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Был день. Того, что он прошёл...»

Был день. Того, что он прошёл,
совсем не жаль. Душа мертва.
Я сетью авантюр оплёл
свою судьбу. Была черства
фортуна. И ее фригидность,
увы, не сон, но очевидность.

Был я. Того, что умер я,
тебе не жаль. Ты – далеко.
И отчуждённости змея
укус искусно и легко
нам нанесла. Мы умираем.
Мы с наслажденьем умираем!

Мы были. Ныне это былъ.
Цветных портретов красоту
покрыла шёлковая пыль.
И я швыряю в пустоту
Свои стихи, как позывные,
в миры холодные иные.

Зависть

Прости меня, Господь, я позавидовал!
Впервые в жизни было так со мной.
С гримасой жуткой, до сих пор невиданной,
бродил я отрешённо день-деньской.

Не чья-то слава громкая и дерзкая,
не чьи-то в пухлом золоте тома
и не моя безвестность безнадёжная
меня лишили здорового ума.

Она сказала: «Лермонтовы, Пушкины
и этот ваш почтенный Пастернак —
такая заумь! Как вы обнаружили
в них прелесть – не пойму никак!»

Я возражал ей, кукле обесцвеченной,
спросил о предпочтении в стихах,
и рот её, помадой изувеченный,
вещал о поцелуях и цветах.

Когда ж ресурс её недолгой памяти
исчерпан был, она взяла тетрадь
и, разбросав записочки по скатерти,
с завидным рвением принялась читать.

Потом ушла. Но образец «поэзии»
оставила. Наверно, мне в пример.
И я, как будто дела нет полезнее,
вчитался, как влюбленный пионер.

Тетрадь была, пардон, полна дебильности,
пародий на любовные стихи.
Безумным гейзером любвеобильности
в меня хлестала жижа чепухи.

Сей аноним и завладел всем разумом
моей малышки. В чем её вина,
когда для многих взрослых нету разницы
во вкусе бормотухи и вина?

И в чём моя вина, коль зависть чёрная
к неведомым писакам доняла,
когда в любимом сердце чушь заборная
над истинным богатством верх взяла?

Не будет лета

По круче туч добравшись до зенита,
упало солнце, вдребезги разбившись.
Не будет больше лета! Карта бита,
и я умру, ни страстью не разжившись.

Меня забудут пыльные кварталы,
где я вдыхал таинственность начала,
и больше в ослепительные балы
не брошусь со старинного причала.

Архивы века денут моё имя —
Не всё ль равно куда? Вот так со злобы
пинают время в высохшее вымя
при жизни никудышные микробы.

Но я не стану подтверждать никчемность,
читая манифесты над могилой.
Познал я слов высоких эфемерность,
посмертной славы жажда поостыла.

О соответствии

Ты некрасива! Да, ты некрасива
и даже не мила, не хороша,
но о твоей особости спесиво
повсюду бьёт в набат твоя душа.

Ты хочешь совместить в себе двух сразу:
кокетку и властительницу грёз,
ты исполняешь роли по заказу,
и от твоей игры знобит мороз.

Теперь в тебе одной опроверженье
дурацкое поверие нашло:
мол, кто снаружи просто загляденье —
в душе урод и бука, как назло.

И значит, неприметная наружность —
залог душевных данных. Вот те на!
Твоя гнилая внутренняя сущность
на ведьмином лице отражена.

Я видел сам

Сочти за дурака, я видел сам:
по улице бежал универсам.
Витрин глаза, от бега ошалев,
старушек отразили вместо дев.

Среди последних был ажиотаж:
одна вошла милашка тут же в раж,
упала под колёса, в чём была,
и не от ран – от горя умерла.

Поймать универсам не удалось.
О нём и думать ты, читатель, брось.
Такая суматоха началась:
скандал, мятеж, цунами, просто страсть!

Случилось так: богини красоты,
как сговорившись, шли в киоск «Цветы»,
и в тот момент злосчастный магазин
помчался, всех обдав огнём витрин.

И разом город вдруг осиротел.
Над грудой мёртвых и прекрасных тел
рыдали все мужчины, весь район!
Пока пивной закрыт был павильон.

И будто бы мало

Убить свои волосы гидроперитом,
пирату от секса в постель лечь с охотой,
летать по ночам в тачке с пьяным бандитом —
сочла для себя самой лучшей работой.

И кто говорит, что за это не платят,
тот в лучших кафе не бывал и не пил там,
тот не получал за ночь новое платье,
помаду не смешивал с огненным спиртом.

Глаза закатив, представлять, что тобою
владеет не жирный носатый уродец,
а парень, что был позапрошлой весной,
печальный, одетый совсем не по моде.

Дождаться: увянет пронзающий стержень,
Стечёт по ногам горбоносое сало,
И будешь ты в форме, опять, как и прежде.
И будто не тошно, и будто бы мало!

Молитва

Ночь темна, хоть глаз коли!
Над просторами земли
ни Луны, ни звёзд, ни пара,
ни подобия пожара,
ни кометы, ни огня.
Кто во тьме найдёт меня?

Может быть, в крошечной ночи
есть дороги покороче?
Мимо терний, мимо сада,
мимо ведьминого взгляда,
по кошачьим коготкам,
по заветным бугоркам.

Ночь как ночь! Таких немало.
Дремлет рай, храпит Валгалла,
преисподняя вызывает
к тем, кто устали не знает,
и колдует, и шипит,
и в котле с травой кипит.

Сгинь, безликое несчастье!
Уводи табун напастей,
уводи чертей рогатых,

козодоев волосатых,
всю свою большую рать,
всех, кто мне мешает спать!

Друг

Мы в тиски борьбы зажаты туго,
форс держать обязанность строга.
Так всю жизнь зачем-то вместо друга
ищем мы достойного врага.

Добрых глаз не замечая снова,
по следам опасности идём.
Нам не надо дружеского слова,
от врага пощёчины мы ждём.

Нам не надо сладкого покоя,
Горькие обиды нам нужны.
Сокрущённо друг вздохнул – пустое,
были бы врага шаги слышны.

И порой исход борьбы печален:
жизнь прошла, а рядом – никого.
Помнить бы, что друг – он уникален,
а врага всегда найти легко.

Мандарин, знаменитый хулиган

Она упала в обморок мне на руки...
Я, опасаясь, как бы вдруг чего,
избавился от маски и фонарика
и даже от оружия своего.

Холера потащила меня в заросли,
где, исцарапав рожу до крови,
я жертву разглядел, скуля от зависти,
ведь кто-то был рабом её любви!

Нетерпеливо оборвав ряд пуговиц,
я наслаждался зрелищем таким,
какое мне, отвратнейшему пугалу,
не снилось и во сне. Не то, что им!

Любимцам женщин, ветреным красавчикам,
что щеголяют в бархатных штанах.
Зато теперь мои глаза-буравчики
Блуждают в этих девственных мирах!

Она пришла в себя, но сумрак хижины
от нового припадка уберёт
девчонку, что прикрыла грудь пристыжено,
как собирает лепестки цветок.

Испуг её всего лишил, наверное:
и дара речи, и желанья жить.
В её глазах читалось только верное:
«Убийца... Убивает... Чтоб убить...»

Чтоб опровергнуть эти подозрения
я, как червяк, подполз к ее ногам,
и в диком несуразном иступлении
дал волю нецелованным губам.

Она рванулась. Следом тень косматая
катилась, озаряема луной.
Она упала. Мраморная статуя
как будто оказалась предо мной.

Бурьян и ветер бились, как в агонии.
Она лежала и была мертва.
А я, как будто весь вобрал огонь её,
катался по земле, живой едва...

Вдруг

я тихо сгорал поджигатель
камин неизвестный писатель
киоск обгоревшая урна
завёрнут в газетку культурно
а вот непонятное слово
а вот объясняет всё сноска
а вот непонятная рифма
дебил ты король афоризма

вдруг ветер
ударил плечом проходящий автобус
вдруг женщина
вскрикнув упала несчастная любит
вдруг пес не голодный
не рылся не в мусорной яме
вдруг молча гляжу
на завод мчится первая смена

я тихо умру хороните
родным за меня объясните
веревки не надо я тихо
к чему здесь скандал и шумиха
а вот юлий цезарь горбатый
а вот брут рот зад брутто нетто

а вот кол вход в холл там экзамен
дебил ты гордись ты землянин

вдруг навзничь
пропало что падало дыбом привстало
вдруг девочка
тихо коварно убила поэта
вдруг лес не шумел
и не пела орава напившись
вдруг хлебников в
воскрешённый ушел в бизнесмены

я тихо рыдал злые слезы
д хармс где твоя лизавета
замок ключ потерян находка
юг север восток запад водка
а вот ливень ассоциаций
а вот фальшь моих ассигнаций
а вот фарс пустых облигаций
дебил ты орёл дефекаций
Вдруг!..

«Я вышел из игры, когда погасли свечи...»

Я вышел из игры, когда погасли свечи.
О мраморные плечи разбились чьи-то губы.
Сквозь карточные клубы, сквозь щёлканье задвижек,
я вышел из квартиры и замер, неподвижен.

Луна была банальна, бананом над бульваром.
Шальвары знойных модниц призывно шелестели.
В убогих чёрных спальнях уже ушли в постели,
разъединившись строго по документам в пары.

Я мог бы рассмеяться, увидев столько дряни,
людишек и тряпье, что важно изрыгала
могучая машина, кромсала и жевала
и, умерщвляя душу, зуд приживляла к ткани.

Но я не рассмеялся, я взял огромный молот,
я паровой машиной по черепам пронёсся.
Я раскурочил всяких: и тех, кто с чёртом снёсся,
и тех, кто был безгрешен лишь потому, что молод.

Я раздавил их махом в одну сырую массу:
рубахи, туфли, платья, лодыжки, зубы, ногти,
колёса, шестерёнки, регалии и масти,

амбиции и нервы, ладошки, рёбра, когти.

Я вышел из игры, другой игрой увлѣкшись,
Я возвратился снова туда, откуда вышел,
где игроки по норам попрятались, как мыши,
когда я внѣс свой молот, нагретый и истѣкший.

— Совокупляйтесь, твари! В последний раз! — я
крикнул. —

Грызите бѣдра, груди, от страсти изнывая,
и, выжрав с потрохами все вздохи и стенанья,
исчезни же из жизни, отверженная стая!

Я отлучу вас сталью от тех, кем вы не стали,
я превращу вас снова в исходный биомусор,
чтоб ваш создатель снова вас создал, но другими!
Я дам ему возможность исправить свой просчѣт!

Восторг

Город расцвёл, как положено, летом,
пёстрых одежд не жалея.

Кто я такой, чтобы прелести в этом,
не узнавать, холодея?

Кто я такой, чтобы портить пейзаж
взглядами исподлюбья,
на повседневный ажиотаж
плюнув испорченной кровью?

Я ненавижу тебя, суета!
Ты изначально фальшива.
Праздник твой гадок, твоя красота
лжива и сотни раз лжива.

Кто я такой? Я частица твоя,
я твой фурункул смердящий!
То, что погибнешь ты из-за меня —
вот это восторг настоящий!
Там, в пределах воинских частей

Мотыльки

Там, в пределах воинских частей,
мотыльками звали мы девчонок,
чей был стан до удивленья тонок,
что с тупой покорностью болонок
и упорством записных блядей
лезли к нам через бетон ограды,
за любовь не требуя награды,
и которым, ясно, были рады
там, в пределах воинских частей.

Там, в пределах неумелых ласк,
ремешки слетали и подтяжки,
бултыхалась бражка в мятой фляжке,
и ладошки хлопали о ляжки,
и сержант, как битый ловелас,
заводил хохочущих подружек
там, где терпкий звук солдатских кружек
разбивал на временных супругов
там, в пределах неумелых ласк.

Там, в пределах чувства и нужды,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.